

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПРИТЧИ И ИХ СОХРАНЕ- НИЕ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Сабурова Н.А.¹, Татаурова А.Г.²

¹Сабурова Наталья Анатольевна - кандидат филологических наук, доцент;

²Татаурова Анастасия Георгиевна – бакалавр,
кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации,
институт социально-политических технологий и коммуникаций
Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск

Аннотация: статья посвящена изучению жанровых особенностей современных англоязычных притч. В данной статье исследовано понятие притчи как жанра, а также рассмотрены жанровые особенности современной притчи: имплицитность, иносказательность, неопределенные время и пространство, символические герои. Наряду с этим, в статье рассмотрены способы передачи смысла притчи с английского языка на русский.

Ключевые слова: притча, символ, аллюзия.

УДК 81

В последние десятилетия жанр притчи вызывает интерес исследователей. Невольно возникает вопрос: почему? Жанровые особенности притчи до сих пор служат предметом спора ученых. В лингвистике нет единого определения и классификации притчи. Переводчики сталкиваются с проблемой передачи иносказательности при переводе притч на русский язык.

Притча превратилась в очень популярный термин, который зачастую подменяет многие другие. Характерной чертой современного восприятия притчи можно назвать размывание притчевых границ, стремление отнести к притче любые условные формы — любое метафорическое, символическое и просто философски-обобщенное пересоздание действительности. Эти тенденции в равной мере характерны как для отечественного, так и для западного литературоведения.

На сегодняшний день исследователи выделяют два центральных определения притчи — как аналогии и как жанра. Первое больше характерно для западного литературоведения, второе — для отечественного [6].

В. В. Кусков определяет притчу и как «нравоучительный символично-аллегорический рассказ», и как «мудрую сентенцию-изречение» [4]. Однако оба вида он считает лишь элементом больших эпических форм.

На наш взгляд, наиболее точное определение притчи как жанра дал С. С. Аверинцев: «Притча — дидактико-аллегорический жанр, в основных чертах близкий басне»; она «неспособна к обособленному существованию», т.е. вне контекста, «допускает отсутствие развитого сюжетного движения и может редуцироваться до простого сравнения, сохраняющего... символическую наполненность», «тяготеет к религиозной или моралистической глубинной «премудрости», с чем связана ее возвышенная топка» [1].

Полные описания современной притчи как жанра дают в своих работах исследователи В.И. Тюпа и М.А. Бологова. В. И. Тюпа в своих работах рассматривает прототипические черты притчи: существование притчи преимущественно в устной форме, неразвернутый сюжет, сжатые характеристики и описания, неразработанные характеры, строгая и простая композиция, лаконизм и точность выражения, опора на пресуппозиционные знания слушателя [7]. М.А. Бологова выделяет следующие особенности жанра современной притчи: иносказательность, дидактизм, лаконизм [3].

Нельзя понять притчу вне конкретного текста: её смысл обусловлен поводом, по которому притча рассказана. Своеобразие притчи в том, что в ней события не определены ни хронологически, не территориально, и не прикреплены к конкретным историческим именам действующих лиц. В притче действия и персонажи схематичны и схематичен рассказ в них.

Действующие лица притчи, как правило, не имеют не только внешних черт, но и «характера» в смысле замкнутой комбинации душевных свойств: они предстают перед нами не как объекты художественного наблюдения, но как субъекты этического выбора. Герои притчи — герои в большинстве своем архетипические, символические [8], к примеру, *one Woman, a farmer, a Poor old Woman, father, son, two babies*.

Пространство текста притчи структурировано и представляет собой особый притчевый мир. Категории пространства и времени в притче тесным образом связаны. Одно не может существовать без другого, они дополняют друг друга, создавая художественный мир произведения. Пространство и время в притче неопределенные: в притче присутствует некий условный мир [2], к примеру, *in the wood, one sunny day, once, long time ago*.

Характерной особенностью притчи выступает то, что имплицитный смысл притчи пребывает вне единого поля зрения читателей. Главным инструментом регулирования общения считаются интерперсональные тактики.

Таким образом, особенность современных притч состоит в том, что их нельзя трактовать однозначно, они полны назидательности и моралистики, заставляют человека задуматься над ситуацией и сделать вывод в соответствии со своими принципами и жизненными ценностями.

Перейдем к рассмотрению жанровых особенностей современной притчи и их сохранению при переводе.

Большинство авторов придерживаются той точки зрения, что притча многосмысленна, имеет множество толкований и тяготеет к символу и аллюзивности.

Понятие символа лежит в основе различных научных концепций. Согласно А.Ф. Лосеву, символ – это идейная, образная или идейно-образная структура, содержащая в себе указание на те или иные отличные от нее предметы, для которых она является обобщением и неразвернутым знаком [5: 248].

Аллюзия (лат. *allusio* «намёк, шутка») — стилистическая фигура, содержащая указание, аналогию или намёк на некий литературный, исторический, мифологический или политический факт, закреплённый в текстовой культуре или в разговорной речи [9].

Притча об отце и сыне отчетливо передает смысл первой заповеди блаженства: «блаженны нищие духом...»: счастливы способные смиряться: *A father takes his son into the woods, blindfolds him and leaves him alone.*

Данная притча изобилует символами. Автор не просто так говорит о лесе. Лес является символом доброго начала, а также выступает как местонахождение особого высшего божества. Английское слово *woods* имеет более таинственное и сказочное значение, нежели русское слово *лес*. При переводе данного символа на русский язык теряется таинственность. Слово *woods* мы переводим с помощью лексического соответствия.

Слово *manhood* переведено словарным соответствием *возмужать*. В данном контексте слово *manhood* является символом зрелости, но не физической, а духовной.

Стоит обратить внимание и на аллюзию на Ангела Хранителя. Ангел Хранитель, как и отец, всегда рядом, всегда оберегает и для этого нам необязательно его видеть.

В притче о пасторе и стакане с водой реализуется тезис о необходимости глубокого самовоспитания. Притча иллюстрирует третью заповедь «Блаженны кроткие»: *The Pastor replied 'OK. But before you go, do me a favor: take a full glass of water and walk around the church three times without spilling a drop on the ground.*

Полный стакан воды символизирует веру. Нужно пронести его и не разлить воду, так же и люди не должны терять веру, несмотря на то, что происходит вокруг. Слова символизирующие веру, *Full glass of water* мы переводим калькированием.

В притче несколько раз повторяется цифра три. В Христианстве цифра три — это священное число. В Библии говорится о трех дарах волхвов Христу, как Богу, Царю и Искупительной жертве, трех образах преображения, трех крестах на Голгофе, трех отречениях Петра, трех днях смерти Христа, трех явлениях после смерти, трех богословских добродетелей: Вере, Надежде, Любви.

Символическая цифра три не составляет трудности для перевода и переводится с помощью лексического соответствия.

Основным источником притчевых текстов в европейской литературе являются Евангельские притчи. Притча о нищей женщине иллюстрирует Нагорную проповедь Христа: «Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы» [Мф 6:34] рассмотрим аллюзию на евангельскую притчу: *After his speech a poor old woman got up. ... Then from the folds of her sari she brought out a copper coin and placed it at his feet.*

В данной притче трудно не заметить аллюзию на Евангельскую притчу о бедной вдове, которая отдала все, что имела, в знак своей веры. Глубокий смысл данной притчи актуален и по сей день. Не каждый готов пожертвовать всем, что у него есть, не ожидая ничего в ответ. Аллюзию на бедную вдову *a poor old woman* мы переводим калькированием для того, чтобы максимально передать связь между современной и Евангельской притчей.

Притча о фермере и его помощнике хранит в себе глубокий смысл. Она говорит нам о том, что, когда мы духовно, мысленно и физически готовы, тогда нам нечего бояться.

Данная притча содержит такие символы, как *wind* и *ocean*. Ветер — символ жизненных невзгод и неурядиц, которые внушают человеку страх и незащищенность. Океан символизирует разнообразные источники форм жизни. И все эти формы жизни не статичны, а, подобно волнам в океане, находятся в непрерывном движении. Данные символы мы переводим подбором лексических соответствий.

Довольно известная притча о двух младенцах в утробе матери также скрывает в себе аллюзию. Разговор младенцев является аллюзией на вечные споры атеиста и верующего человека. Они спорят не о существовании матери, а о существовании Бога, приводя различные доводы. Эта аллюзия реализуется с

помощью антитезы, которую мы наблюдаем практически в каждом предложении. Автор противопоставляет слова *Delivery* и *the end of life*, то есть рождение и смерть. При переводе переводчик должен сохранить прием антитезы, чтобы максимально передать воздействующий потенциал притчи. Первый младенец на каждый вопрос второго отвечает такими словами, как *Nonsense, that is absurd* и мы понимаем, что весь их диалог построен на противопоставлении. Когда младенцы говорят о жизни после рождения, то мы видим, что они представляют ее себе совершенно противоположно: *there will be more light than here / там будет больше света чем здесь; and in the after-delivery there is nothing but darkness and silence and oblivion / после рождения нет ничего, кроме тьмы, тишины и забвения*. Это явная аллюзия на спор о том, попадает ли душа человека в мир вечности.

Поскольку символы и аллюзии имеют общехристианский характер, они не представляют собой сложности для русскоязычного перевода.

Исходя из изложенного, мы видим, что при переводе современных притч необходимо помнить, что мы передаем смысл сказанного символами, то есть это не дословный лексический перевод научного текста, но и в то же время не художественный перевод романа. Учитывая то, что перевод должен передать глубокий философский смысл притчи, переводчик должен обладать развитым образным мышлением, быть знакомым с каноническими библейскими сюжетами притч, понимать их богооткровенную направленность, владеть понятиями и навыками использования в работе аллюзий.

В наш век, век сумасшедших скоростей, цифровых технологий, сжатого пространства и отсутствия желания читать много, притча становится сегодня весьма привлекательным жанром литературы для передачи мудрости поколений, воспитания нравственных ценностей, стимулирующей базой для рефлексии.

Список литературы

1. *Аверинцев С.С.* Притча // Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. / С.С. Аверинцев. М., 1987. 51 с.
2. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин. М., 1976. 502 с.
3. *Бологова Н.А.* Жанровые особенности притчи в современной отечественной литературе. Критика и семиотика / Н.А. Бологова. Н.: 2013. Вып. 8. 132 с.
4. *Кусков В.В.* Жанры и стили древнерусской литературы XI первой половины XIII в.: автореф. докт филол. наук / В.В. Кусков. М., 1980. 36 с.
5. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. / А.Ф. Лосев. 2-е изд., испр. М.: Искусство, 1995. 320 с.
6. *Мельникова С.В.* Притча как форма выражения философского содержания в творчестве Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук. / С.В. Мельникова. М., 2002. 165 с.
7. *Тюпа В.И.* Грани и границы притчи / В.И. Тюпа // Традиция и литературный процесс. Новосибирск: СОАН, 1999. С. 381–386.
8. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. / К.Г. Юнг. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
9. Википедия – свободная энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wiki.sc/wikipedia/Аллюзия/> (дата обращения: 20.04.2019).